

М.Ю. Сидорова (МГУ имени М.В. Ломоносова),

Ю.В. Роговнева (ГИРЯ им. А.С. Пушкина)

ГРАММАТИКА СИТУАЦИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ – НОВОЕ ПОЛЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

Адекватность языковому материалу и продуктивность коммуникативно-грамматической теории, созданной Г.А. Золотовой и разрабатываемой уже несколькими поколениями ее учеников, были проверены за последние годы рядом сопоставительных исследований и работ, посвященных изучению функционирования русского языка в мультимедийной среде. Однако и не выходя за пределы собственно вербальных текстов на русском языке, можно найти широкое поле для изучения.

Коммуникативная грамматика создавалась на материале текстов художественных, с привлечением публицистических. А художественная литература, будучи высшей формой существования национального языка, обладает при этом рядом свойств, связанных со спецификой моделирования действительности в ней. Особенно ярко это проявляется в текстах репродуктивного регистра, в котором «говорящий воспроизводит непосредственно, сенсорно наблюдаемое, в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний, находясь — в реальности или в воображении — в хронотопе происходящего. Время — актуальное, в настоящем, прошедшем или будущем, T_2 и T_3 синхронны. Высказывание репродуктивного типа (регистра) можно заключить в модусную рамку «Я вижу, как.../ Видно, как...», «Я слышу, как...», «Я чувствую, как...»¹.

Существенное уточнение в этом определении — «в воображении». Действительно, в силу такого важнейшего качества художественной литературы, как фикциональность, о непосредственном воспроизведении наблюдаемого в ней можно говорить только весьма условно: ни автор, ни читатели рассказа, повести, романа и т.п. не находятся в реальном хронотопе происходящего. Само происходящее и его хронотоп моделируются автором с помощью средств языка, создавая иллюзию соприсутствия, причем, как мы

¹ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва 2004.

показывали в монографии 2001 года², в отличие от реального мира, в художественной действительности хронотоп является производным от “происходящего”. Задача автора повествовательного сюжетного текста – довести повествование, сюжет, цепочку событий из точки А в точку Б, назначая по своему выбору персонажей на роль модусного субъекта, носителя точки зрения (рассказчика, наблюдателя) и меняя, опять же в соответствии со своим замыслом, уровень обобщения изображаемого, то приближая события к читателю и давая их крупным планом, то уменьшая масштаб, сжимая время и пространство в минимум словесного текста. В соответствии с этим репродуктивный хронотоп то подключается, то отключается, заменяясь информативным хроникальным отображением событий. В любом случае темп событий, уровень детализации, угол зрения на них – в руках автора. Читатель волен принять предлагаемую ему «конвенцию» или отказаться от нее, но не может верифицировать сообщаемое. Хронотоп ему не принадлежит, он только приглашается в него на роль сонаблюдателя, для того чтобы «присоединиться» к одному из способов дейксиса к воображаемому, о которых писал, используя метафору Магомета и горы, Карл Бюлер в своей «Теории языка»³. Если автору вздумается посадить березу на краю поляны или заставить «волны грозно о берег биться», мы вынуждены поверить.

Иное дело – репродуктивные тексты, не моделирующие фикциональную действительность, а описывающие реальные объекты и события реального мира. Скорость протекания событий, цвет, форма и другие наблюдаемые признаки объектов, доступных наблюдению в актуальном пространстве и времени, говорящим не создаются, а передаются, регистрируются. В книге «Грамматика художественного текста» мы кратко рассматривали особенности репродуктивно-повествовательных и репродуктивно-описательных композитивов в художественном сюжетном тексте, прозаическом и поэтическом, и в драматургической ремарке по сравнению с футбольным репортажем, текстом из путеводителя и др. типами нехудожественного текста⁴. Репродуктивный регистр в художественном тексте неоднократно с тех пор

² Сидорова М.Ю. *Грамматика художественного текста*. Москва 2001

³ Бюлер К. *Теория языка. Репрезентативная функция языка*. Москва 1993

⁴ Сидорова М.Ю. *Грамматика художественного текста*. Москва 2001.

становился предметом внимания исследователей. Тем не менее обратить исследовательский взгляд и на нехудожественные репродуктивные тексты, в которых не моделируется, а воспроизводится наблюдаемая говорящим действительность, полезно не только для проверки коммуникативно-грамматической теории, но и для ее дальнейшего развития в теоретическом аспекте. О прикладном значении таких исследований будет сказано ниже.

Вектор интереса здесь может быть ориентирован в трех направлениях:

- 1) изучение репродуктивного текста, создаваемого по заданию «Опишите X», где X – предъявляемый наблюдаемый стимул, причем в задании делаются эксплицитные уточнения типа «Описывайте только то, что видите, слышите, ощущаете, то, что доступно в данный момент вашим органам чувств» или «Опишите, что вы видите на фотографии/картинке»;
- 2) изучение репродуктивного текста, служащего комментарием к видеоряду, например, закадрового текста в научно-популярных фильмах о животных, космосе и т.п.;
- 3) изучение репродуктивных текстов, создаваемых коммуникантами в условиях разного соотношения коммуникативной (позиций говорящего и слушающего) и денотативной ситуации.

Последний пункт имеет наибольшее концептуальное значение, поэтому с него целесообразно начать. Если денотативную ситуацию понимать как ситуацию, о которой сообщают предикативная единица или текстовый фрагмент репродуктивного регистра, а коммуникативную ситуацию – в классическом яacobсоновском смысле, то возможны разные типы «расположения» отправителя и получателя репродуктивного текста относительно этих ситуаций.

Тип 1. Денотативная ситуация, отправитель и получатель текста находятся в общем хронотопе «внутри» коммуникативной ситуации. Просто говоря, отправитель и получатель текста видят в данный момент один и тот же фрагмент реального мира и отправитель сообщения кодирует какую-то часть этого фрагмента в репродуктивном тексте, например: *Смотри-смотри, бегемот. Вот он вынырнул!* (папа ребенку в зоопарке, указывая на бегемота);

Помидоры вон все заваливаются. И жухлые они какие-то (дачница показывает соседке теплицу).

Тип 2. Отправитель текста находится вне денотативной ситуации, получатель – в ней. Типичный разговор между мужем, отправившимся в пункт получения Интернет-заказов, и женой – на другом конце провода:

- *Я на месте. Где у них вход?*
- *Дом 8. Должен быть в торце здания под вывеской.*
- *Как он выглядит, дом 8?*
- *Понятия не имею. Ты где стоишь?*
- *Вышел из метро и стою. Здесь такая большая реклама с цирком «Аквамарин». И пятиэтажка. Дом 8. Эта самая?*
- *Наверное. Иди за угол – там будет такая черная дверь.*

Тип 3. Отправитель текста находится в денотативной ситуации, получатель – вне ее. Типичные примеры известны всем из шпионских фильмов (разговор по радиации диверсанта или десантника, прибывшего в установленный пункт, с командованием: *Мы на месте. Все тихо*) и из рекламы роуминга сотовых сетей, когда владелец выгодного тарифа описывает в трубку красоты природы, расстилающиеся перед ним. В настоящее время такое соотношение денотативной и коммуникативной ситуации становится все более распространенным как результат популярности фейсбука, твиттера и аналогичных форм электронной коммуникации, обеспечивающих возможность словесного «репортажа» с места событий.

Тип 4. И отправитель, и получатель текста – вне денотативной ситуации. Например, описание какого-то места или события по памяти⁵.

Понятно, что от типа 1 к типу 4 уменьшается возможность для говорящего и слушающего соотносить показания своих органов чувств с их вербализацией, верифицировать эмпирически информацию, передаваемую в тексте. В обратной пропорции растет роль языковых средств в моделировании

⁵ Можно было бы дать и более дробную классификацию, однако для целей нашего исследования мы пока ограничиваемся этой, сознавая, что, как указывает в цитированной работе К. Бюлер, «между реальным зрительным восприятием и привычным появлением воображаемых объектов перед духовным зрением существует целое множество переходных оттенков».

денотативной ситуации, а также роль разных типов когнитивных и языковых «ожиданий» адресата в ее декодировании. Изменяются и языковые средства (например, как только один из коммуникантов оказывается вне денотативной ситуации, возникает запрет на использование *вот* и *вон*, при этом *здесь* и *там* остаются разрешенными пространственными маркерами).

Значимость этих факторов была подтверждена серией экспериментов, проведенных в МГУ имени М.В. Ломоносова и ГИРЯ им. А.С. Пушкина в 2012 – 2014 гг. Студентам различных факультетов предлагалось написать тексты в соответствии с заданиями, сформулированными в начале статьи в п. 1):

- а) описание соседа по парте;
- б) описание хорошо знакомого места (интерьер станции метро «Университет» или вход в учебное здание);
- в) описание фотографии (человека на фотографии) – были использованы фотографии знаменитостей, Марлен Дитрих (черно-белая) и Мадонны (цветная).

Разумеется, в задании не формулировалась эксплицитно необходимость использовать только средства репродуктивного регистра (студенты не знакомы с самим этим понятием). Тексты б) и в) создавались после того, как студенты попробовали свои силы в описании соседа по парте и преподавателем были разобраны ошибки, главной из которых являлась подмена репродуктивного регистра информативным. В отличие от текстов а) и в), представлявших коммуникативную ситуацию первого типа, задание б) относилось к четвертому типу коммуникативной ситуации. Во всех случаях авторы текстов – участники эксперимента - «упаковывали» в репродуктивную модель описания действительности свои текущие наблюдения или воспоминания, пользуясь теми средствами, которые язык для этого предоставляет и – что очень важно – полученными из языкового опыта, в том числе из обучения, своими представлениями о тексте, в котором в хронотопе говорящего воспроизводится непосредственно наблюдаемое, в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний.

Образцы полученных текстов:

- а) Описание соседа по парте:

а1) У моей соседки по парте голубые глаза. Она одета в белую майку и джинсы. Сверху накинута синяя кофта с длинными рукавами. На ней имеется пара аккуратных карманов и крупная эмблема. На ногах моей соседки надеты кеды известного молодежного бренда. Девушка обычно не носит украшений, но выглядит яркой. А глаза то и дело вопросительно устремляются к потолку.

а2) Мою соседку по парте зовут Маша. У нее длинные темные распущенные волосы. Она в строгом сером платье, в белой блузке и черных сапогах. На правой руке у нее небольшой браслет, на левой – аккуратные часы. Она сидит ногу на ногу, немного сгорбившись, наклонив голову к листочку. Что-то быстро пишет, иногда поднимает голову и смотрит на меня, улыбается, отворачивается и продолжает писать.

б) Описание хорошо знакомого места:

б1) Передо мной просторный зал. Слева и справа массивные колонны, возле которых установлены лавки. В центре зала, слева, находятся лестницы. Слышно звук. Он громкий, но постепенно стихает. Видимо, только что от платформы отошел поезд. На полу орнамент в виде большой красных квадратов на сером фоне. Сзади меня эскалаторы. Людей в зале не очень много. Слышно звук объявления о правилах пользования эскалатором. Справа небольшая будка с экранами. В ней сидит работник. Он странно смотрит на меня.

б2) Главный вход в Первый гуманитарный корпус МГУ украшен огромным каменным барельефом с различными изображениями. Козырек подпирают колонны, возле колонн – грязные мусорки. У входа каждый день собирается много студентов. Внутрь ведут три стеклянные двери. Из них открыта только одна. Извилистый узкий коридорчик приводит нас в помещение. Внизу гремят решетки, впереди – охранники, гардероб, лестница, ведущая к лифтам. Само помещение просторное, но тусклое.

в) Описание человека на фотографии:

в1) На фотографии девушка. Она одета в черный мужской костюм. Из-под пиджака видна белая рубашка или блузка. На голове мужской цилиндр. Под ним виднеются короткие вьющиеся светлые волосы. Девушка смотрит прямо, немного улыбается. Она сидит на чем-то белом, закинув левую ногу

перпендикулярно на правую – мужская поза. На ее безымянном пальце левой руки кольцо. Она держит сигарету. На одной ноге, которую видно на фото, мужской ботинок.

в2) На фотографии я вижу Мадонну в образе Марлен Дитрих. На лице у нее очень яркий макияж: подведены брови, накрашены глаза, на губах ярко-красная помада. Костюм ее не классический: черные брюки и пиджак, под ним белая рубашка, жилетка кремового цвета и бабочка. Из кармана пиджака виднеется чуть желтый цветок. На голове у нее черная мужская шляпа.

Результаты экспериментов подтверждают, что при постановке задания, в котором эксплицирована необходимость описывать «то, что видите», большинство студентов успешно с ним справляются, создавая текст на основе репродуктивного регистра, не подменяя полностью репродуктивный регистр информативным. В то же время в большинстве текстов наблюдается взаимодействие репродуктивного и информативного регистров (информативные вкрапления, использование языковых средств, повышающих уровень обобщения, например темпоральные маркеры *обычно, каждый день*). Таких вкраплений тем больше, чем лучше знаком автору текста описываемый объект.

Результаты эксперимента подтверждают лингвистическую и психологическую реальность коммуникативного регистра. Все участники эксперимента отбирают языковые средства, предназначенные для описания наблюдаемых предметов, признаков и явлений и комбинируют их в синтаксических моделях, предназначенных в русском языке для репродуктивного регистра (например, *На Маше очки, а не Маша носит очки*) или регистрово не маркированных. В случае, если в текст попадают характеристики, вызывающие сомнения в том, что они доступны непосредственному наблюдению, например *У Маши аккуратный маникюр, У Пети римский нос* или *У Антона трехдневная щетина*, при обсуждении своей работы с преподавателем студенты апеллируют именно к тому, что «это можно видеть», таким образом вовлекая оценочные или информативные признаки в сферу действия репродуктивного регистра. В то же время большинство участников экспериментов отмечали, что им было трудно написать текст, особенно описание соседа по парте, не выходя

за пределы репродуктивности, строго «отфильтровывая» выходы в оценочность, узуальное время, обобщение, т.е. в информативный регистр.

Если говорить о языковом качестве текстов, то во многих работах, даже у студентов пятого курса, приходится диагностировать явную недостаточность лексического запаса и неумение строить описательный текст, что мы относим на счет ущербной в области формирования текстовых навыков школьной методики преподавания русского языка. В то же время отмечено существенное повышение качества текстов при переходе от задания а) после анализа ошибок к б) и в), то есть можно говорить о том, что регистровая техника может быть предметом обучения и постигается носителями языка достаточно легко.

Изучение полученного текстового материала показало, что для более дробной классификации типов коммуникативных ситуаций, в которых используется репродуктивный регистр, следует добавить к перечисленным выше **пространственным** следующие **субъектные и темпоральные факторы**.

1) Создается ли текст говорящим синхронно с наблюдением или говорящий передает слушающему заранее подготовленный текст, более или менее приспособивая его к актуальной ситуации (как, например, делают экскурсоводы)?

2) Строит ли говорящий сообщение, реализуя собственную интенцию, которая заключается непосредственно в описании того, что говорящий видит, либо в чем-то другом или выполняя поставленное задание? Об этом мы скажем ниже при анализе другого эксперимента, обобщая воздействие разных факторов.

3) Насколько описываемое знакомо говорящему?

На этом пункте остановимся подробнее. Как уже было отмечено выше, при описании знакомого человека или места в тексте появляется больше элементов информативного регистра. Их можно разделить на два типа: это конструкции в узуальном времени (знание, многократное наблюдение, постоянные признаки) или конструкции с оценочными признаками, выражающими отношение говорящего к описываемому объекту. Если объект не знаком говорящему, то появляется другой элемент информативного регистра – предположение.

В зависимости от описываемого объекта (денотативной ситуации) в полученных текстах обнаруживаются следующие информативные вкрапления

(подчеркнем, что речь идет именно о вкраплениях, выделяющихся на общем фоне репродуктивности, полностью же информативные тексты, являющиеся нарушением требований, сформулированных в задании, и написанные участниками, не понявшими задание, здесь не рассматриваются).

а) Для описаний соседа по парте характерны оба типа информативных вкраплений (*Моя соседка всегда элегантно одевается; У нее красивые глаза*).

б) Для описаний хорошо известного места характерны узуальные конструкции (*Один из эскалаторов обычно не работает; Первый корпус расположен к востоку от главного здания*) при достаточно малом количестве оценочных (*Станция не производит впечатление красивой*).

в) Для описаний фотографий более типичны оценочные конструкции (*Рот полупоткрыт; Она нахально улыбается*). Узуальные конструкции появляются таких в текстах в зависимости от того, знакомо ли описываемое лицо говорящему, по этому критерию различаются информативные элементы в тексте – знание (*На фотографии я вижу Марлен Дитрих; Она актриса*) или предположение (*Вероятно, она актриса, и эту фотографию сделали на съемках какого-нибудь фильма*).

В целом, можно сделать вывод о том, что количество информативных конструкций зависит от степени «знакомости» говорящему описываемого объекта: чем более этот объект знаком говорящему, тем сложнее дать его объективную характеристику с учетом только сенсорно наблюдаемых признаков, поскольку в любом случае активизируется элемент знания, «то, что мы видим, не ограничивается только тем, что мы видим *сейчас*. Последнее не может быть основой восприятия окружающего мира, оно связано с Я наблюдателя, а не с окружающим миром»⁶.

Кроме перечисленных выше субъектных и темпоральных факторов, на реализацию репродуктивного регистра в конкретном тексте оказывает влияние специфика **денотативной ситуации**, включающая следующие факторы.

1) Является ли наблюдаемое естественным или как-либо обработанным, не собственно объектом реального мира, а его визуальным представлением

⁶ Гибсон Дж. *Экологический подход к зрительному восприятию*. Москва 1988, s. 360.

средствами фотографии, кинематографа и т.п.? Например, при комментировании видеоряда – даже спонтанном – говорящий может точно знать, что будет дальше (он уже видел фильм или видеоролик либо читал сценарий), и включить в свой текст средства управления динамикой действия или привлечения/отвлечения внимания, готовящие слушателя к тому, что произойдет. Так, описания соседа по парте и знаменитости на фотографии не содержат конструкций с глаголами в будущем времени в отличие, например, от комментариев к домашним видеофильмам (*Вот, смотри, сейчас змей полетит и я побегу*) или описаний картин экскурсоводами художественных музеев (*Уцелевшие после кораблекрушения цепляются за обломки судна. Вот-вот на них обрушится гигантская волна* (картина И.К. Айвазовского «Девятый вал»)). Отметим, что в первом случае говорящий употребляет будущее время в репродуктивном регистре, поскольку знает, что сейчас произойдет (уже видел фильм), а во втором – использование будущего времени представляет собой додумывание сюжета картины, протяжение его в будущее в соответствии с когнитивной схемой ситуации и законами искусства.

2) Тип наблюдаемого объекта, соответствующий категориальным значениям, с которыми работает коммуникативная грамматика в рамках общей категории предметности – предмет, лицо, локус. Так, в описаниях непосредственно наблюдаемых предметов (в дополнительном эксперименте – овощей) авторы реже прибегают к авторизации, к средствам информативного регистра, чем в описаниях человека. Для описания локуса оказывается важно смоделировать позицию говорящего, движущуюся или неподвижную, и движение его взгляда (последовательное, пунктирное или какое-то другое), тогда как описание лица организуется не движением взгляда наблюдателя, а по принципу «целое – часть».

Релевантность перечисленных факторов была подтверждена нами при подготовке и проведении другого лингвистического эксперимента, связанного с «называнием изображений» (picture naming), или «описанием объектов» (object description). С целью отбора материала для эксперимента в поисковые системы Яндекс и Google вводились запросы «корова на лугу», «люстра на потолке», «лампа на столе» и «картина на стене». Технические условия не

позволяют включить полученные изображения в данную публикацию, но любой желающий может сам их получить, используя соответствующие запросы. Картинки – результаты поиска по каждому запросу - отличались по следующим основным параметрам:

а) разное соотношение фигуры и фона (фигурой называем то, что в поисковом выражении «X на Y» обозначалось X, фоном – Y) на изображениях: «количество» фона, удаленность и относительный масштаб фигуры, например, крупный план коровы с узкой полоской луга «под ногами» или панорама зеленого луга с мелкой коровой на значительном отдалении;

б) разное количество фигур: одна корова - несколько коров – много (стадо) коров, одна картина – несколько картин – множество картин;

3) разная степень определенности, «проработанности» фона: например, в серии картинок «лампа на столе» на некоторых лампа размещается не на столе, а на неопределенной горизонтальной поверхности;

4) разная представленность дополнительных объектов – тех, которые не являются ни фигурой, ни фоном в поисковом запросе: например, те картинки из серии «корова на лугу», где помимо луга на заднем плане присутствуют другие элементы пейзажа (горы, река). Среди этих дополнительных объектов можно выделить частотные, стандартно появляющиеся вместе с X и Y (можно предположить из первичного анализа изображений, что для «лампа на столе» таким объектом является книга) и «случайные», не предсказуемые из функционального взаимодействия или пространственной схемы данного «X на Y» (колокольчик на шее у «коровы на лугу»).

Главное для нас то, что указанные серии картинок были получены на запрос имеющий языковую форму «X на Y» (безглагольная конструкция, в которой на первом месте стоит Имен. пад. локализуемого объекта, а на втором – локус, на котором объект располагается (в разных значениях русского предлога «на»)).

Далее некоторые из этих изображений демонстрировались участникам эксперимента, которым предлагалось ответить на вопрос «Что это? Что вы видите на картинке?» Специально оговаривалось, что нужно назвать то, что мы видим, а не дать ассоциацию. Ответы давались устно, причем другим участникам эксперимента разрешалось их комментировать. Обратим внимание:

экспериментатор, подбиравший картинки, действовал по собственной интенции (сам сформулировал задачу), при этом конструкция репродуктивного регистра, вводившаяся в строку поиска, была не подписью под картинкой, не описанием изображения, а именно поисковым запросом («Я хочу увидеть...»). Вероятно, подобная коммуникативная ситуация, когда описание «наблюдаемого» предшествует наблюдению, заслуживает включения в приведенную выше классификацию как пятый тип, тем более что она весьма распространена в повседневной речевой деятельности пользователей интернета. Участники эксперимента «получили» коммуникативную интенцию от экспериментатора: им было дано задание описать предъявленную картинку. Естественно, они тоже пользовались средствами репродуктивного регистра (выходы в информативный были единичны в 7 аудиториях, в которых было от 50 до 70 человек⁷), но по-другому.

Во-первых, в серии «корова на лугу» наряду с безглагольной конструкцией массово предлагались глагольные с предикатами *стоит* (предикат принимался аудиторией безоговорочно) и *посетя* (этот глагол встречал у аудитории резкие возражения, если голова у коровы не была наклонена к траве). В других сериях глагольные конструкции либо вовсе не предлагались, либо предлагались одним-двумя участниками в аудитории (*Лампа стоит на столе, Люстра висит на потолке, Картина висит на стене*).

Во-вторых, участники эксперимента активно включали в свои предложения прилагательные, характеризующие объекты, прежде всего цветные прилагательные (*Черно-белая корова на лугу, Черно-белая корова на зеленом лугу, Корова на зеленом лугу*), реже оценочные (*Старомодная/жуткая люстра*). Вне зависимости от абсолютной величины и масштаба фигуры X на фоне У не использовались размерные прилагательные типа *большой/маленький*.

В-третьих, поскольку не было введено ограничений на количество слов, которые следовало употребить в описании и не была «заказана» конструкция

⁷ Отмечено два типа таких выходов в информативный регистр: оценочные (*Бессмысленная мазня!* – на стимул «картина на стене» с абстрактной картиной) и обобщающие (*Библиотека* – на стимул «лампа на столе», когда на изображении присутствовала кроме лампы книга).

«X на У», в сериях с лампой, люстрой и картиной активно использовались ответы из одного существительного или существительного и определяющего его прилагательного: *(Зеленая) лампа. (Старомодная) люстра. (Абстрактная) картина.*

Показательно, что в ответах конструкция «X на У», если использовалась, то именно с таким порядком слов (*Корова на лугу* – с локативной ремой, а не *На лугу корова* – с предметной ремой), что подтверждает положение о языковом характере разграничения фигуры и фона. Подтверждается и мысль о взаимозависимости фигуры и фона. В серии «корова на лугу» на многих изображениях половину или даже более визуального фона занимает не луг, а небо. Тем не менее ни один респондент не описывает такие картинки как «корова на фоне неба».

Как уже было сказано, количество фигур на полученных по запросу картинках варьировалось от одной до множества. Обсуждаемый эксперимент позволил поставить, но не решить вопрос о том, какие факторы влияют на восприятие и именование множества отдельных объектов как совокупности (*стадо* вместо *много коров, выставка* вместо *много картин*).

Все эти «описания изображений», которые дали участники эксперимента, относятся, разумеется к репродуктивному регистру, но, как мы видим, перед исследователями возникает здесь иная проблематика, чем при изучении репродуктивного регистра в художественном тексте, проблематика, объединяющая коммуникативную грамматику с когнитивистикой и имеющая непосредственное отношение к одной из важнейших идей современной лингвистики – *thinking for speaking*, и даже *seeing for speaking*⁸. Изучение предложений и композитивов репродуктивного регистра, продуцируемых

⁸ Slobin D. *Thinking for speaking*. In: J. Aske, N. Beery, L. Michaelis, & H. Filip (eds.), *Papers from the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley 1987. Slobin D. *From "Thought and Language" to "Thinking for Speaking"* In: John Joseph Gumperz und Stephen C. Levinson (Hgg.): *Rethinking Linguistic Relativity*. Cambridge 1996. Slobin D. *Verbalized Events: A Dynamic Approach to Linguistic Relativity and Determinism* In: R. Dirven und S. Niemeier (Hgg.): *Evidence for Linguistic Relativity*. Amsterdam; Philadelphia 2000. Slobin D. *Language and Thought Online: Cognitive Consequences of Linguistic Relativity* In: D. Gentner und S. Goldin. Meadow (Hgg.): *Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought*. Cambridge 2003.

говорящими в ответ на наблюдаемый стимул, с точки зрения четырехступенчатой модели анализа текста Г.А. Золотовой, может внести существенный вклад в развитие этой идеи и в понимание того, как языковое оформление денотативной ситуации влияет на восприятие, осмысление и запоминание этой ситуации человеком.

Аннотация

В статье на основе проведенных авторами лингвистических экспериментов предлагается типология ситуаций использования репродуктивного регистра и рассматриваются факторы, влияющие на отбор и сочетание языковых средств репродуктивного регистра в разных ситуациях его использования. Обосновывается необходимость взаимодействия коммуникативно-функциональной грамматики и экспериментальной когнитивистики для дальнейшего изучения способов представления непосредственного наблюдения в русском языке, с одной стороны, и влияния грамматических и номинативных ресурсов русского языка на восприятие, осмысление и запоминание наблюдаемых ситуаций.